

Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 9 (491). С. 25–34.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(9(491)):25-34.

Научная статья

УДК 140.8

doi: 10.47475/1994-2796-2024-491-9-25-34

АКТУАЛИЗАЦИЯ СОБОРНОСТИ: МЕЖДУ ОБЩИНОСТЬЮ И ИНДИВИДУАЛИЗМОМ

Раиса Александровна Заякина

Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия, r.a.zayakina@edu.nsuem.ru,
0000-0002-2400-9136

Аннотация. Через концепцию соборности автор исследует вопросы места современного человека в обществе, права на самобытность народа, национальное самосознание и мировоззрение. Выявляется соотношение общинности и соборности. Общинность определяется как исходный фактор возникновения соборности, так как соборное сознание формируется посредством опыта жизни церковной и светской общины. Это порождает уникальное мировоззрение, вбирающее в себя церковное и светское начала. Обсуждается опыт поворота российского общества постсоветского периода к ценностям индивидуализма западного образца. Доказывается, что не смотря на серьезные потери, нравственный каркас общества продемонстрировал свою устойчивость, восстановив курс на единство и сплоченность. При этом важным фактором российского самосознания остается наличие соборной свободы. Автор определяет соборную свободу как свободу личности в рамках осознанной, разделяемой ориентации на общее благо. Утверждается, что соборная свобода сообщает личности нравственную устойчивость, укрепляет жизненными смыслами, предоставляет право быть носителем и проводником традиций. Следовательно, соборность не поглощает личность, а напротив, оберегает ее. Укорененная в православной культуре, отечественной философской мысли и всей жизни российского народа, соборность сегодня переживает новый виток исследовательского интереса. Указываются такие области практического применения ее характеристик, как образование и воспитание, коммуникации, национальная безопасность.

Ключевые слова: соборность, общинность, индивидуализм, соборная свобода, традиционные ценности, мировоззрение

Для цитирования: Заякина Р. А. Актуализация соборности: между общинностью и индивидуализмом // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 9 (491). С. 25–34. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-491-9-25-34.

Original article

ACTUALIZATION OF CONCILIARITY: BETWEEN COMMUNITY AND INDIVIDUALISM

Raisa A. Zayakina

Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, r.a.zayakina@edu.nsuem.ru,
0000-0002-2400-9136

Abstract. Through the concept of conciliarity, the author explores the issues of the place of modern man in society, the right to national identity, national self-awareness and worldview. The relationship between communality and conciliarity is revealed. Communality is defined as the initial factor in the emergence of conciliarity, since conciliar consciousness is formed through the experience of life of the church and secular community. This creates a unique worldview that incorporates church and secular principles. The experience of the changes of Russian society in the post-Soviet period to the values of Western-style individualism is discussed. It is proved that despite serious losses, the moral framework of society has demonstrated its stability, restoring the course towards unity and solidarity. At the same time, the presence of conciliar freedom remains an important factor in Russian self-awareness.

The author defines conciliar freedom as the freedom of the individual within the framework of a conscious, shared orientation towards the common good. It is claimed that conciliar freedom imparts moral stability to the individual, strengthens them with life meanings, and provides the right to be a bearer and conductor of traditions. Consequently, conciliarity does not absorb the individual, but on the contrary, protects it. Rooted in Orthodox culture, domestic philosophical thought and the entire life of the Russian people, conciliarity is currently experiencing a new round of research interest. Such areas of practical application of its characteristics as education and upbringing, communications, and national security are indicated.

Keywords: conciliarity, community, individualism, conciliar freedom, traditional values, worldview

For citation: Zayakina RA. Actualization of conciliarity: between community and individualism. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(9(491):25-34. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-491-9-25-34.

Введение

Реалии социальной, политической, нравственной жизни Отечества максимально обострили вопросы, связанные с местом человека в обществе, специфическими российскими способами понимания социального мироустройства, реализацией права народа на самобытность. Мы живем в эпоху тотальной ревизии накопленного поколениями нравственного багажа, переосмысления многовекового опыта, переоценки ценностей. Словом, находимся в поиске того, что способно быстро и эффективно выстроить социальную жизнь, которая основывалась бы, кроме прочего, на внутреннем единении людей при условии сохранения их личной свободы.

Подобное обустройство неизбежно базируется на общем мироощущении, сходном образе мыслей, ощущении принадлежности своему народу, единстве и устойчивости ценностно-смыслового каркаса. Неудивительно, что сегодня возрождается интерес к сформировавшейся на стыке философии и религиозной мысли концепции соборности. Возврат же к соборности как инструменту, способному уравновесить отношения между человеком, обществом и государством артикулирует неустрашимые, опорные начала нашей нравственной жизни: общинные и христианские ценности, любовь к людям и принадлежность Родине, наконец, независимость национального мировоззрения и ясное понимание самих себя (национальное самосознание).

Настоящая статья имеет своей целью определить роль соборности в формировании мировоззрения россиянина, ее значимость и востребованность в современном российском обществе, а также задать векторы дальнейших исследований различных проявлений ее объединяющей силы. Так как соборность уникальным образом встраивает человека в социальную реальность, очевидна необходимость опоры на методологию социально-философского анализа. Выход в область идеалов, нравственных установок

и ценностных представлений людей об общественном жизнеустройстве налагает на нас обязательство в привлечении ценностного подхода. Ориентацией на тематическую специфику и желанием иллюстрировать авторские мысли обусловлен выбор привлеченной в исследовании литературы.

Общинность и соборность

Восприятие мира древними славянами неразрывно связано с общинным укладом их жизни. Само существование сначала кровнородственной, а затем и соседской общины обусловлено необходимостью разделения по общинному принципу производственных и социальных ролей, а также общинного распределения или использования благ для преодоления ежедневных трудностей. Совладание с суровыми климатическими условиями, диктующими особенности земледелия, эффективное противостояние как природным, так и геополитическим угрозам было возможно только сообща, «всем миром». Общинные интересы, сосредоточенные главным образом вокруг идеи коллективного выживания, исключали крупные конфликты между семьями и их возможное обособление [16, с. 19–45].

Человек не мог помыслить себя вне общины, ее ценностей (великодушия, добровольности, товарищества, равенства, соучастия в общей судьбе), приоритета ее интересов над индивидуальными потребностями. Само общинное начало, в своем естестве основанное на потребности жить в любви и согласии, в определенном смысле предполагало акт свободного самоотречения [25, с. 8]. Так, органично и естественно, особенности общинного строя заложили основания ментальности русского человека. Совместный труд, разделение идей справедливости и равенства, любовь к семье и уважение предков, миролюбие и добрососедство сформировали крепкую, устойчивую нравственность и стали фундаментом национального самосознания.

Дальнейший вектор исторического развития определился «просветлением народного общинного начала общинным церковным» [25, с. 41]. Бесспорно, отечественное самосознание, порожденный им спектр уникальных смыслов и ценностей, особое отношение к человеку, миру и Родине, самобытная культура, вся «наша старая Русь создана самим Христианством» [29, с. 231]. Или, как писал К. С. Аксаков: «Христианство осветило и просветило общину, дотоле неясно сознаваемую или предчувствуемую народами» [1, 195]. Во все аспекты жизни человека, в само ее восприятие проникает объемное понятие мира как общества взаимного единомыслия. Общества, реализующего соборную сотерию, общее делание, где общинность светская отображается сквозь призму общинности церковной [33, с. 32]. Общества, в основание которого положена особенность православного мировоззрения быть мощным фактором единения истинно свободных людей – тем, что славянофилы назовут соборностью (введение понятия в философский дискурс как прилагательного принадлежит А. С. Хомякову. Существительное сконструировано в отечественной публицистике конца XIX в. [2, с. 74]).

В подобном понимании соборность — это не просто собрание людей для решения, допустим, экономических, политических или чисто социальных вопросов, сущность ее много глубже, смысл – объемнее. Выражаясь словами В. Н. Лосского: «Нельзя отрицать христологической предпосылки, лежащей в основе соборности; без этой предпосылки соборность вообще не могла бы существовать» [21, с. 158]. Тем интереснее встречать выхоленную интерпретацию соборности, лишённую религиозного начала, акцентирующую внимание только на особенностях развития отечественной государственности, выраженных, скажем, в таком явлении общественно-политической жизни, как Земские соборы [например: 20, с. 161]. Конечно, все — от рутинной организации быта и социальной активности людей до вопросов управления и государственного устройства России несет на себе печать соборности. Однако это ли ее сущность, ее основание, или перечисленное выше есть маркеры ее присутствия, следствие ее проникновения во все сферы жизни человека?

«Собор» (в смысле сбора, человеческого собрания) и «соборность» — понятия не равнозначные. С момента введения в философский дискурс понятие «соборность» имело предельно общее значение глубинных оснований именно религиоз-

но-духовной общности людей, живущих сообща. Справедливости ради отметим, что словари, исследователи-филологи и языковая интуиция указывают на близость лексем «соборность» и «собор». Вместе с тем последняя, сама демонстрируя спектр значений, проводит нас от собственно собрания людей, через главную для конкретного места обитания церковь до вселенского охвата людей в единении с Богом [12, с. 18–19]. По мнению С. Л. Франка, термин «соборность» вообще может заменять слово «церковь», понимаемую в определенном смысле, в ее духовном измерении, именно как внутреннее ядро общества, его «животворящее начало» [6, с. 99]. Без сомнения, начиная с истоков обсуждаемого дискурса (Хомяков А. С., Аксаков К. С., Киреевский И. В.), соборность понималась именно через христианство, через единение не только горизонтальное (между людьми), но и обязательно вертикальное (с Богом), то есть как явление глубоко религиозное.

Многие исследователи, и прежде всего сами славянофилы, для более полного раскрытия смысла соборности проводили параллели с хоромым пением или образом хоровода [4, с. 80–81]. И действительно, русское многоголосие есть как правило унисонное начало, расходящееся распевками, опеваниями, непринужденной вариативностью, необыкновенной красоты и согласованности интервальными сочетаниями — большая свобода внутри единого интонационного мира. Это единство положено в основание русского хорового пения (особенно церковного строчного многоголосия), которое возникало на основе одногласного распева, представляя собой одновременное исполнение нескольких его вариантов, «утолщенную мелодию», раскрашенную множеством мелодических вплетений [11]. Собственно, похожим единством иллюстрирует всеобъемлющий характер соборности хоровод. Держа друг друга за руки, сходясь плотным кольцом или разливаясь «ручейками», люди выстраивают единый рисунок танца. Течет изменениями круговой танцевальный орнамент, пронизанный пением и игровыми действиями, общим пониманием вкладываемых в них смыслов. Являясь единением многих свободных людей, разделяющих общее пространство культуры, эти ее порождения возникают «на основе общей любви к одним и тем же абсолютным ценностям» [12, с. 19]. Абсолютные же ценности (например, согласно В. Виндельбанду), порождаются, прежде всего, личной верой [7, с. 58].

Итак, представляется значимым установить четкое соотношение общинности и соборности,

и здесь важен сам факт их размежевания. В ряде случаев общинность и соборность по вкладываемым в понятия смыслам сближаются настолько, что становятся едва различимы или вовсе синонимичны [18, с. 7]. Конечно, они связаны, однако соборность – явление иного порядка, и сводить ее к некоей форме выражения, «разновидности» общинности, воплощению традиций общины (хотя подобная трактовка — не редкость [например: 17, с. 30]) значит редуцировать ее уникальные характеристики, объявлять ее тем, чем она не является. Итак, определяем, что общинность есть один из исходных факторов возникновения соборности, поскольку соборное сознание имеет генеральным условием своего формирования как опыт церковной жизни (церковной общины), так и светские общинные ценности и нравственные послы. Соответственно, на основе соборности возникает уникальное мировоззрение, сливающее воедино церковное и мирское начала.

Отклонение в индивидуализм

От Декарта в наши дни устремляется другой вектор мысли, пронзающий человеческие умы крайним индивидуализмом (знаменитое: *cogito ergo sum*). Именно «*cogito*» центрирует «я», противопоставляя ему «ты» и преподнося само это противопоставление всему другому мысленно отделенному бытию как единственно возможный способ познания. Далее эпоха Просвещения с ее идеалами свободы, вольнодумства, попраiania авторитетов, независимостью и субъективностью окончательно разворачивает индивида в сторону личной автономии.

Рождается деятельный прагматик, обращенный вовне, нацеленный на преобразование мира под свои потребности и его подчинение личным интересам. В конечном счете, он живет в мире исключительно собственного выбора, в мире с плавающими границами и относительными смыслами, в мире без мира духовного. Вслед за Ж.-П. Сартром можно объявить картезианское «*cogito*» исходной точкой, своеобразной первоистинной, истоком постижения экзистенциальной изолированности человеческой природы [26, с. 335]. Закономерным следствием этой изолированности становятся тревоги, заброшенность, отсутствие сколько-нибудь устойчивых ценностей, отчаяние – словом все то, что изобильно предлагает атеистический экзистенциализм.

Глубокое исследование исторической динамики обособления индивида в западной философской мысли, хотя тема представляется захва-

тывающей и все еще требующей внимательной ревизии ее потенциала, в данную статью неместимо. Зафиксируем лишь, что организация мировосприятия вокруг «я» прошла долгий путь трансформаций, породив современного западного человека. Учитывая же текущие реалии: социальную отстраненность людей друг от друга, символически и технически опосредованное общение сквозь экраны гаджетов, а то и полную социальную изоляцию и устранение в виртуальные миры, можно с уверенностью утверждать, что атомизация индивида во многих обществах достигает апогея.

К вышеперечисленному стоит приплюсовать культ тотального успеха, транслирующий и романтизирующий, с одной стороны, образ финансово состоятельного интеллектуала-одиночки, визионера, способного не только предвидеть, но и формировать будущее. С другой же стороны, агрессивно пропагандирующийся через всевозможные марафоны, личные тренинги, психологические установки образ инфобизнесмена, блогера-миллионника, провозглашающий карьеру по продаже красивой жизни единственно желаемой целью. Конечно, само понятие успеха в данном случае сведено исключительно к демонстрации материального благополучия, поглощающей проявления идентичности, к нему не относящиеся. Все это стремительно приводит современных людей в состояние глубокого экзистенциального кризиса. По меткому замечанию З. Баумана, проблема идентичности дошла до крайности, оставляя растерянного, недоумевающего человека один на один с вопросом «Куда мне идти? Куда заведет меня дорога, по которой я иду?» [3, с. 185].

Не обошел поворот на индивидуализм и отечественную действительность. Это, например, прекрасно иллюстрирует русский язык. Так, в русскоязычных словарях середины-конца XIX в. слово «индивидуализм» еще отсутствует, при этом уже имея употребление в текстах русских мыслителей рубежа веков. Анализируя же различные репрезентации идеи индивидуализма, лингвисты отмечают выраженную динамику отношения к понятию. «Оно оценивается от крайне негативного, преимущественно в публицистическом дискурсе XX в., что лингвистически воплощается посредством его сочетаемости с пейоративными прилагательными (*гнилой, дрянной* и др.), метафорами с отрицательной коннотацией (*болото индивидуализма, яд индивидуализма* и др.), включения в перечислительный ряд с негативно

оцениваемыми явлениями (*стяжательство*, *эгоизм* и др.), до преимущественно позитивного в толковых словарях и публицистических текстах XXI в.» [32, с. 144]. Очевидно, что неодобрительный оттенок семантического контекста слова «индивидуализм», употребляемый в примерах прошлого века, обусловлен господствующей тогда идеологией. Интереснее другое — за сравнительно короткое время произошел ярко выраженный поворот не просто к безоценочным значениям, но к значениям, оцениваемым ярко позитивно.

Эту осязаемую трансформацию восприятия россиянами окружающей действительности, произошедшую за последнюю четверть века, подчеркивают и специалисты. Так, констатируется ослабление у россиян чувства сопереживания, разрыв общинных связей, утрата опыта коллективной деятельности, установления контактов и самоорганизации для совместного решения проблем или улучшения своей жизни. Это проявляется повсеместно: на уровне многоквартирного дома, двора, городского микрорайона. В конечном счете человек перестает ощущать себя частью событий социальной реальности. Совместные праздники, прочные соседские связи, дворовые увлечения, взаимопомощь и ответственность за общее дело — словом все то, что может быть включено в понятие разделяемой повседневности, в постсоветский период серьезно пострадало. Специалисты особо выделяют такие негативные последствия ослабления, например, соседских отношений, как социальная изоляция, чувство незащитности и уязвимости, напряженность и явно выраженные соседские конфликты, устранение от решения вопросов, связанных с управлением общедомовым имуществом, повышением уровня комфорта среды проживания, оскудение социального капитала в целом [13, с. 12].

Укрепляется и ориентация на трудовую и досуговую деятельность, осуществляемую «не выходя из дома». Около 60 % россиян в возрастной группе от 18 до 24 лет могут быть охарактеризованы как «типичные домоседы». Кроме того, более трети опрошенных молодых людей предпочитают пассивный отдых, то есть буквально «ничего не делать» [23, с. 48]. По данным опроса российской молодежи, проведенного ВЦИОМ в декабре 2022 г., социальные ценности заняли нижние строки ценностных ориентиров [30]. Не будем здесь исследовать причины обозначенных социальных тенденций — это отдельная и серьезная тема. Некоторые из них лежат на по-

верхности и очевидны, другие же глубоко скрыты в политических, социальных, экономических и исторических процессах. Скажем лишь, что современное российское общество осознает сложившуюся ситуацию и пытается, с учетом объективных характеристик современности, восстанавливать утраченное.

Кроме того, мощным объединяющим общество фактором явилась необходимость противостоять негативным геополитическим вызовам времени, актуализировавшая вопрос об общероссийской гражданской идентичности. Курс на ее обретение каждым человеком, принадлежащим российской цивилизации, сам по себе есть курс на укрепление гражданского единства [10]. Однако и сам дискурс российской идентичности претерпел с момента распада СССР несколько глубинных трансформаций. Они ознаменовались сменой доминирующих концепций: от отрицания наследия советского прошлого и ориентации на западные либеральные демократии, через поиск национальной идеи до конструирования великодержавной идеологии «государства-продолжателя», способствующей патриотической сплоченности общества. Однако при этом важно, что сам вопрос общественного согласия всегда оставался твердым фундаментом отечественной постсоветской идентичности [15].

Можно констатировать, что ценностные основания, сформированные российской цивилизацией и отшлифованные волнами истории, географическими, политическими и культурными особенностями, не смотря на технологические вызовы, десятилетия агрессивной пропаганды индивидуализма и пассивного потребительства, продемонстрировали свою устойчивость. Да, многое утрачено, но исследователями отмечается, что большинство россиян все же ориентировано на идею социальной справедливости и равенства как основополагающую опору общества. Сохранено бережное, внимательное отношение к культурным традициям, национальному достоянию и дружбе народов как ценностно-смысловому ориентиру, подчеркивается важность обмена культурными достижениями между национальностями, населяющими Россию, сохранения территориальной целостности Родины. В целом, специалисты фиксируют приоритет духовно-нравственных ценностей над материальными, направленность на культурное возрождение и упрочение общности между людьми [14]. Следовательно, не взирая ни на что, в противовес альтернативности «я» и «ты», в сознании россиян по-прежнему

существует «мы». И это «мы» имеет свой чистый и сильный голос – не просто как сумма различных «я», но как «первичный онтологический корень нашего бытия» [28, с. 93].

Индивидуализм и соборная свобода

В противовес самоутверждению отдельного изолированного индивидуума, атомарного существа, определяющего собственную свободу через отведение себе центрального места и общения из этого «сакрального» места со всем остальным миром, существует иной фокус зрения. Когда мерилом мироустройства не является исключительно личность и ее интересы, а свобода не заключается в приоритетном отстаивании персональных гражданских, политических, экономических или иных прав. Речь о концепции соборной свободы. У нее много критиков, еще больше тех, кто воспринимает ее как некий оксюморон, наподобие «правдивой лжи» или «горячего снега». Вообще основные упреки в адрес концепции соборности сводятся к отсутствию в ней места для личной свободы. Однако так ли это? Прежде всего следует детально разобраться, что понимается под личной свободой.

Говоря о личной свободе, критики соборности (опираясь на известную концепцию И. Берлина [5]) как правило ставят два смысловых акцента. Во-первых, это объясняемое в русле либеральной традиции негативное понимание свободы или «свободы от». Прежде всего, от ограничений, препон, вмешательства в реализацию личных намерений, если таковые не противоречат интересам и безопасности третьих лиц. По Гоббсу буквально «мы называем свободным человеком того, кому ничто не препятствует делать то, что он желает» [8, с. 172]. Во-вторых, новоевропейская свобода выдвигает на первый план деятельное начало самоутверждающегося индивида, отдельного и самостоятельного, не подверженного влиянию сдерживающих механизмов общности. Центрируется суверенная личность, контролирующая собственную жизнь, извлекающая выгоды и определяющая векторы своей реализации, независимо устанавливающая траектории собственных действий для достижения каких-либо благ — словом все то, что входит в позитивное понимание свободы или «свободы для».

Воздержимся от рассуждений об эффективности и эвристическом потенциале самого деления на обозначенные варианты интерпретации свободы, имея ввиду его проблематичность [22]. Оставаясь в формулировках дискурса, скажем,

что для характеристики соборной свободы и понимания ее смысла, необходимо расширить вышеуказанную концепцию, добавив «свободу в». Человеческая свобода всегда условна, ограничена рядом объективных и субъективных факторов, контекстом сложившейся социальной ситуации. При этом, свобода человеческих поступков не имеет ничего общего с хаотичным произволом, она определяется оправданными целями. Где «барометр» такого оправдания? Очевидно, измерительный механизм подобного «прибора» основывается на посыле, что цели должны предполагать благо [19, с. 111]. Однако, людям свойственно избирать и иной путь — разрушения, зла, греха. В этом-то и кроется сущность свободы, так как она, с одной стороны, основана на самой возможности указанного выбора, с другой же — на реализации творческого поиска удовлетворяющих вариантов действия. «Свобода в...» общине, мире нравственных понятий, заповедей, самодисциплины, наконец, Боге — это свобода с работающим «барометром», измерения которого остаются в границах допустимых значений.

Тогда личность не просто заключается в рамки условий, но и ориентируется в них, осознанно и свободно разделяя генеральную установку на общее благо. Человек с большей долей вероятности изберет благие устремления, если они наделены личным содержанием, предполагают творческую активность, желание созидать, улучшать себя и раскрываться в обществе людей, составляющих не только социальное, но и духовное единство. Это то, что протопресвитер А. Шмеман определил как «личное бытие в согласном единении с другими лицами» [31, с. 417]. Как в христианском браке молодожены добровольно доверяют друг другу жизни, становясь нераздельным целым, давая согласие на вхождение в супружеский союз. Разве отнимается их свобода? Напротив, она возрастает через телесное, душевное и духовное единство, через общее определение целей и разделение ценностей. Разве разрушается самоидентичность каждого из них? Нет, но расширяется и обогащается ощущение индивидуальности, укрепляемое теми жизненными горизонтами, которые открываются с обретением статуса супруга, с рождением «мы».

Так и соборная линза восприятия реальности становится условием, в пределах которого в полной мере реализуется личная свобода, избирается благая «путеводная звезда». Более того, именно и только в таких условиях соборная свобода вообще возможна, ведь никакой закон

или диктат не способны принудить человека испытывать чувство глубокого единения с другими. Его возникновение требует от личности осознанности себя, своего места в социальном пространстве и объемного видения этого пространства сквозь призму «мы». Невозможно его возникновение и без крепких, доверительных семейных и соседских связей, добровольности в подчинении установленным нравственным и духовным основам общежития. В конце концов, со-настроенности убеждений и образа мыслей под общий аксиологический камертон. Так крепкие духовные корни соборности не только прочно удерживают символическое древо личности от падений, но и питают его, наполняя необходимой силой и жизненными смыслами.

Будучи приобщенным к миру унаследованных ценностей, человек становится сопричастным общей судьбе народа, получает понятное и многократно апробированное жизненное руководство, ориентир, позволяющий соотносить свои поступки с мерилем допустимости. И, конечно, этот взгляд на себя через соединение с другими не предполагает утрату свободы, но напротив, обеспечивает ее сохранность. Предоставляя личности фундаментальное право отстаивать общие идеалы, нравственные и религиозные аксиомы, быть носителем и проводником традиций. Вопреки разгулу вседозволенности и нравственному упадку, соборная свобода — это свобода созидать благо, сберегать смыслы, жить в духовной чистоте, стремлении к правде и справедливости. С этой точки зрения соборная свобода не поглощает личность, но оберегает ее.

Заключение

Непримиримые этические, социальные и политические противоречия, обострившиеся между российской и западной цивилизациями, привели к

коренным изменениям отечественного самосознания. Туман очарования индивидуализмом западного образца рассеялся, стали очевидны как изъяны вестернизации, так и глубина собственного национального мышления, отчетливо проступили и нравственные принципы, которыми невозможно поступиться. Все это вынуждает сегодня говорить о соборности как основе нашего мировосприятия и действенном инструменте поиска уникального пути развития российского общества.

Соборность — это не атавизм, не архаика и даже не социально-историческая память. Соборность — это мощное и современное оружие в сражении за независимость, за право оставаться собой, сберегать своих детей и строить свое будущее. Специалисты, изучающие современное общество, фиксируют некоторое усиление значения соборности [23, с. 50]. Укорененная в православной культуре, отечественной философской мысли и всей жизни российского народа, соборность переоткрывается, «прочитывается заново». Осознается, что она способна принести плоды как основа построения российского образования и воспитания [27], как регулятор поведения в сетевом коммуникационном пространстве [9], как фактор национальной безопасности, самосохранения, самоподдержания и самовоспроизводства общества [24].

Сегодня ясно, что жить в оторванности от своего народа или диссонансе с ним — глубокая трагедия, «самоотмена», человеческая драма. Индивидуалистический взгляд, при внешней видимой многочисленности социальных связей «реализованного» человека, способен дать и тотальное внутреннее одиночество. Соборность же позволяет преодолеть индивидуализм при сохранении личной свободы, даруя внутреннее единство с другими людьми и позволяя устроить социальную жизнь на крепком и одновременно гибком социально-нравственном фундаменте.

Список источников

1. Аксаков К. С. Государство и народ. М.: Институт русской цивилизации, 608 с.
2. Бармашова Т. И., Ломанов П. В. Понятие «соборность» в русской философии // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2020. Вып. 1. С. 73–80.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
4. Бердяев Н. А. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 320 с.
5. Берлин И. Две концепции свободы // Современный либерализм. М.: Прогресс-Традиция, 1998. С. 19–43.
6. Буббайер Ф. Русская версия христианского реализма: духовная мудрость и политика в мысли С.Л. Франка. Ч. I // Вопросы философии. 2016. № 4. С.90–102.
7. Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. М.: Юрист, 1995. 687 с.
8. Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1936. 502 с.

9. Горбунов А. С. Возможность осуществления принципа соборности в сетевой коммуникационной среде // *Современные философские исследования*. 2024. № 1. С. 113–119. DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-113-119.
10. Горлова И. И., Зорин А. Л. Формирование и укрепление общероссийской идентичности и гражданского единства как приоритетные направления современной государственной политики Российской Федерации // *Социально-гуманитарные знания*. 2023. № 2. С. 5–9.
11. Евдокимова Ю., Конотоп А., Кореньков Н. Три святое. М.: Изд-во «Православное пение», 1997. 80 с.
12. Ерофеева И. В. Концепт «Соборность» в пространстве современного медиатекста: проблемы презентации // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии*. 2010. № 2 (12). С. 18–25.
13. Ефимова Г. З., Коробова Ю. А. Друзья, незнакомцы или враги? Соседские взаимоотношения жильцов многоквартирных домов // *Социология города*. 2023. № 2. С. 5–29. DOI: 10.35211/19943520-2023-2-5.
14. Журавлева Н. А. Социальные идеалы в современном российском обществе // *Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире: материалы VII Международ. науч.-практич. конф., Пенза, март 2024. М.: Изд-во «Перо», 2024. С. 100–107.*
15. Иохим А. Н., Лагу зова М. А. «Как нам обустроить Россию»: проблема общественного согласия в дискурсе постсоветской идентичности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2023. Т. 25. № 1. С. 77–96. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-77-96>.
16. Киселев А. Ф., Лубков А. В. Русь: от язычества к православной государственности. М.: Вече, 2022. 464 с.
17. Коваленко Н. Г. Соборность как концепт отечественной культуры: от русской философии славянофилов до геополитики евразийцев // *Вестник Вятского государственного университета*. 2022. № 3(145). С. 29–37. DOI: 10.25730/VSU.7606.22.034.
18. Лазарева А. Н. Идеи соборности и свободы в русской религиозной философии. М.: ИФРАН, 2003. 153 с.
19. Леонов В. Свобода человека во Христе и без Христа. Опыт богословского осмысления // *Консультативная психология и психотерапия*. 2010. № 3 (66). С. 110–121.
20. Лушникова А. В. Славянская община вне формаций // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2022. № 59. С. 158–179. doi: 10.17223/19988648/59/10.
21. Лосский В. Н. По образу и подобию. М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1995. 196 с.
22. Оглезнев В. В., Брянский С. Н. Исайя Берлин и проблемы определения понятия «свобода» // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2015. № 4. С. 318–325. DOI: 10.17223/1998863X/32/34.
23. Равочкин Н. Н. Особенности досуговой деятельности студенческой молодежи в 2020-е гг. (по материалам социологических исследований) // *Социология*. 2024. № 1. С. 47–55.
24. Саидов З. А., Мелихов А. И., Працко Г. С. Национальное мировоззрение как фактор национальной безопасности в классической и отечественной философской мысли // *Правовой порядок и правовые ценности*. 2024. Т. 2. № 1. С. 15–25. DOI: <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-1-15-25>.
25. Самарин Ю. Ф. О мнениях «Современника» исторических и литературных. М.: Университетская типография, 1847. 90 с.
26. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // *Сумерки богов: сб. М.: Политиздат, 1989. С. 319–344.*
27. Сдобняков В. В. Формирование национально ориентированного профессионального мировоззрения будущих педагогов в воспитательном процессе вуза // *Ярославский педагогический вестник*. 2024. № 1 (136). С. 21–35. DOI: http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X_2024_1_136_21. <https://elibrary.ru/ZWVIME>.
28. Франк С. Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию. Париж: YMCA-PRESS, 1930. 317 с.
29. Хомяков А. С. По поводу статьи Киреевского // *Полное собрание сочинений*. Т. 1. М: Университетская типография, 1886. С. 197–260.
30. Ценности молодежи // *ВЦИОМ*, 14.12.2022. Результаты опроса. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (дата обращения: 25.06.2024).
31. Шмеман А., прот. Собрание статей 1947-1983. М.: Русский путь, 2009. 896 с.
32. Щетинина А. В., Кислицына А. Н. Индивидуализм в восприятии носителя русского языка (по данным словарей и анализа сочетаемости) // *Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире*. 2020. № 4. С. 138–145. DOI: 10.25586/RNU.V925X.20.04.P.138.
33. Щипков А. В. Понятие «код» в рамках современного цивилизационного подхода // *Вопросы философии*. 2018. № 7. С. 28–34. DOI: 10.31857/S004287440000220-7.

References

1. Aksakov KS. Gosudarstvo i narod [The state and the people]. Moscow; 2009. 608 p. (In Russ.).
2. Barmashova TI, Lomanov PV. Ponjatie «sobornost'» v russkoj filosofii [The concept of «sobornost» in Russian philosophy]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya* [BSU bulletin. Philosophy]. 2020;(1):73-80. (In Russ.).
3. Bauman Z. Individualizirovannoe obshestvo [The individualized society]. Moscow; 2005. 390 p. (In Russ.).
4. Berdyaev NA. Russkaya ideya [The russian idea]. St. Petersburg; 2008. 320 p. (In Russ.).
5. Berlin I. Dve koncepcii svobody [Two concepts of liberty]. In: *Sovremennyy liberalizm* [Modern liberalism]. Moscow; 1998. Pp. 19-43. (In Russ.).
6. Boobbyer Ph. Russkaya versiya hristianskogo realizma: duhovnaya mudrost' i politika v mysli S.L. Franka. Ch. I [A Russian Version of Christian Realism: Spiritual Wisdom and Politics in the Thought of S.L. Frank. P. I]. *Voprosy Filosofii* [Questions of philosophy]. 2016;(4):90-102. (In Russ.).
7. Windelband W. Izbrannoe: Dukh i istoriya [Favorites: Spirit and history]. Moscow; 1995. 687 p. (In Russ.).
8. Hobbes T. Leviatan ili materiya, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo [Leviathan or the matter, forme and power of a commonwealth ecclesiasticall and civil]. Moscow; 1936. 502 p. (In Russ.).
9. Gorbunov AS. Vozmozhnost' osushhestvleniya principa sobornosti v setevoy kommunikacionnoj srede [Possibility of implementing the principle of conciliarity in network communication environment]. *Sovremennye filosofskie issledovaniya* [Contemporary philosophical research]. 2024;(1):113-119. (In Russ.).
10. Gorlova II, Zorin AL. Formirovanie i ukreplenie obshherossijskoj identichnosti i grazhdanskogo edinstva kak prioritetye napravleniya sovremennoj gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii [Formation and strengthening of the allrussian identity and civic unity as priority directions of the actual state policy of the Russian Federation]. *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge]. 2023;(2):5-9. (In Russ.).
11. Evdokimova Ju., Konotop A., Korenkov N. Trisvyatoe [Trisagion]. Moscow; 1997. 80 p. (In Russ.).
12. Erofeeva IV. Kontsept «Sobornost'» v prostranstve sovremennogo mediateksta: problemy reprezentatsii [The concept «conciliarism» in the sphere of modern mediatext: representation problems]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii* [Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies]. 2010;(2(12)):18-25. (In Russ.).
13. Efimova GZ, Korobova YuA. Druz'ya, neznakomtsy ili vragi? Sosedskie vzaimootnosheniya zhil'tsov mnogokvartirnykh domov [Friends, strangers or enemies? Neighborhood relations practices tenants of apartment buildings]. *Sotsiologiya goroda* [Urban sociology]. 2023;(2):5-29. (In Russ.).
14. Zhuravleva NA. Sotsial'nye idealy v sovremennom rossiiskom obshchestve [Social ideals in modern Russian society]. In: *Socio-psychological adaptation of migrants in the modern world: materials of the VII International scientific and practical conference, Penza, March 2024*. Moscow; 2024. Pp. 100-107. (In Russ.).
15. Iokhim AN, Laguzova MA. «Kak nam obustroit' Rossiyu»: problema obshchestvennogo soglasiya v diskurse postsovetsojki identichnosti [«How do we arrange Russia»: the problem of social harmony in the discourse of post-soviet identity]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science]. 2023;(25(1)):77-96. (In Russ.).
16. Kiselev AF, Lubkov AV. Rus': ot yazychestva k pravoslavnoi gosudarstvennosti [Rus': from paganism to orthodox statehood]. Moscow; 2022. 464 p. (In Russ.).
17. Kovalenko NG. Sobornost' kak kontsept otechestvennoi kul'tury: ot russkoj filosofii slavyanofilov do geopolitiki evraziitsev [Conciliarity as a concept of national culture: from the russian philosophy of the slavophiles to the geopolitics of the eurasians]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Vyatka State University]. 2022;(3(145)):29-37. (In Russ.).
18. Lazareva AN. Idei sobornosti i svobody v russkoj religioznoj filosofii [Ideas of conciliarity and freedom in Russian religious philosophy]. Moscow; 2003. 153 p. (In Russ.).
19. Leonov V. Svoboda cheloveka vo Khriste i bez Khrista. Opyt bogoslovskogo osmysleniya [Human freedom in Christ and without Christ]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy]. 2010;(3(66)):110-121. (In Russ.).
20. Lozhnikova AV. Slavyanskaya obshchina vne formatsii [The Slavic community: beyond formations]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*. [Tomsk State University journal of economics]. 2022;(59):158-179. (In Russ.).
21. Lossky VN. Po obrazu i podobiyu [In the image and likeness]. Moscow; 1995. 196 p. (In Russ.).

22. Ogleznev VV, Bryanskiy SN. Isaiya Berlin i problemy opredeleniya ponyatiya «svoboda» [Isaiah Berlin and problems with the definition of freedom]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University journal of philosophy, sociology and political science.]. 2015;(4):318-325. (In Russ.).
23. Ravochkin NN. Osobennosti dosugovoi deyatelnosti studencheskoi molodezhi v 2020-e gg. (po materialam sotsiologicheskikh issledovaniy) [Features of leisure activities of student youth in the 2020 (based of sociological research)]. *Sotsiologiya* [Sociology]. 2024;(1):47-55. (In Russ.).
24. Saidov ZA, Melikhov AI, Pratsko GS. Natsional'noe mirovozzrenie kak faktor natsional'noi bezopasnosti v klassicheskoi i otechestvennoi filosofskoi mysli [National worldview as the factor of national security in the classical and domestic philosophical thought]. *Pravovoi poryadok i pravovye tsennosti* [Legal order and legal values]. 2024;2(1):15-25. (In Russ.).
25. Samarina YuF. O mneniyakh «Sovremennika» istoricheskikh i literaturnykh [On historical and literary opinions of «Sovremennik»]. Moscow; 1847. 90 p. (In Russ.).
26. Sartre JP. Ekzistentsializm – eto gumanizm [Existentialism is humanism]. In: *Sumerki bogov* [Twilight of the Gods]. Moscow; 1989. Pp. 319-344. (In Russ.).
27. Sdobnyakov VV. Formirovanie natsional'no orientirovannogo professional'nogo mirovozzreniya budushchikh pedagogov v vospitatel'nom protsesse vuza [Formation of a nationally oriented professional worldview of future teachers in the educational process of the university]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl pedagogical bulletin]. 2024;(1):21-35. (In Russ.).
28. Frank SL. Dukhovnye osnovy obshchestva. Vvedenie v sotsial'nuyu filosofiyu [Spiritual Foundations of Society: An Introduction to Social philosophy]. Paris; 1930. 317 p. (In Russ.).
29. Khomyakov AS. Po povodu stat'i Kireevskogo [Regarding the article by Kireevsky] In: *Polnoe sobranie sochinenii. T. 1.* [Complete Works. Vol. 1]. Moscow; 1886. Pp. 197-260. (In Russ.).
30. VCIOM, 2022. Analytical review: youth values. Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> accessed 25.06.2024
31. Schmemman A, prot. *Sobranie statei 1947-1983* [Collection of Articles 1947-1983]. Moscow; 2009. 896 p. (In Russ.).
32. Shchetinina AV, Kislitsina AN. Individualizm v vospriyatii nositelya russkogo yazyka (po dannym slovari i analiza sochetaemosti) [Individualism in the perception of a Russian speaker (based on dictionaries and compatibility analysis)]. *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennoy mire* [Vestnik of Russian new university. Series «Man in the modern world»]. 2020;(4):138-145. (In Russ.).
33. Shchipkov AV. Ponyatie «kod» v ramkakh sovremennogo tsivilizatsionnogo podkhoda [The concept of «code» in the modern civilizational approach]. *Voprosy Filosofii* [Questions of philosophy]. 2018;(7):28-34. (In Russ.).

Информация об авторе

Р. А. Заякина — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и гуманитарных наук.

Information about the author

R. A. Zayakina — Doctor of Philosophy Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Humanities.

Статья поступила в редакцию 06.07.2024; одобрена после рецензирования 10.09.2024; принята к публикации 20.10.2024.

The article was submitted 06.07.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 20.10.2024

The author declares no conflict of interests

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.